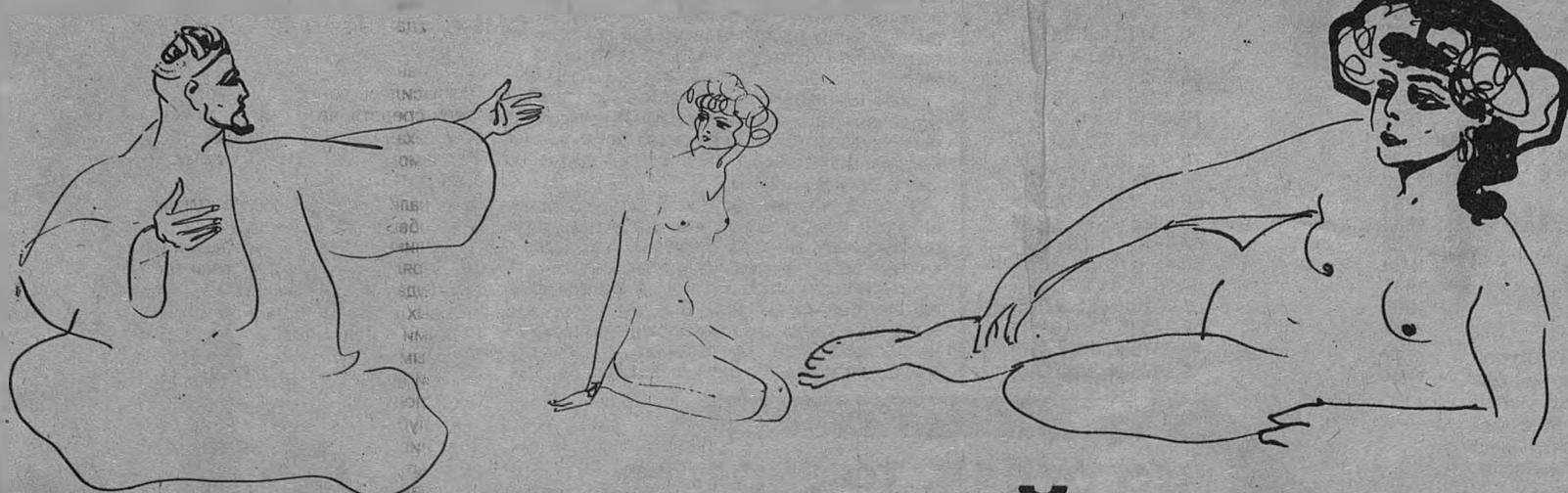

Не только об Омаре Хайяме и Павле Бунине

ПЕВЕЦ ПОЮЩЕЙ ЛИНИИ

В свете беспробудных будней и удручающей занятости в поисках хлеба насущного или самовыражения, не оставляющих времени на то, что древние римляне называли кратким словом «отитум», т. е. наполненный трудом отдых на пользу ближнему и самому себе, не остается порой времени на доброе слово другу или о друге, которое, как говорится, и «кошке приятно». Вот я давно собирался принародно (один на один уже как-то случилось) произнести по старинному обычаю «похвальное слово» художнику, уже знакомому «городу и миру».

Очень для такой цели хороша «Вечерка», которая для меня, коренного москвича с довоенным «стажем», была и остается любимой, несмотря на то, что в некие времена, когда «эх, хорошо в стране советской жить», на нее, как на заборах, клеили ярлыки типа «московская сплетница»... Клеили или клеймили, а народ читал в охотку, не то, что сомнительную «Правду», распространявшуюся по квотам партийных бюро в нагрузку к дешевой «Работнице». Начальство газету поругивало за безыдейность и считало признаком мещанских интересов, как герань на окошке и канарейка в клетке. А вечерочки делали свое дело, давая затюканному читателю глоток неполитизированного кислородного коктейля, сопротивляясь, как могли, «нивелирующему настрою» идеологической цензуры. Но не об этом здесь речь...

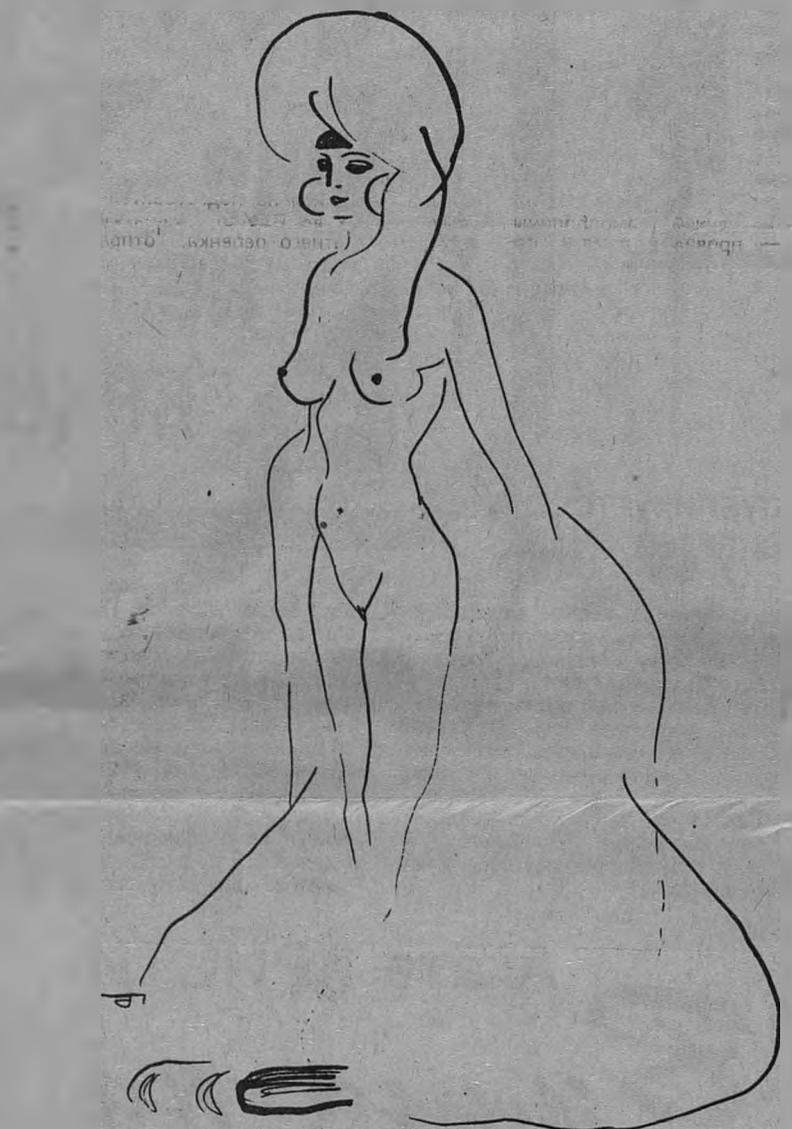
«Вечерняя Москва» сотворила доброе дело, сделав многообразное творчество москвича Павла Бунина широко популярным. Не говоря о его талантах литератора, эссеиста, публициста, поэта-переводчика, о его энциклопедической начитанности, эрудиции и, конечно, потрясающей, фотографической памяти, которой против воли завидуешь по-черному, нужно все же подчеркнуть: прежде всего он художник милостью Божией, рисовальщик, которых в мире во второй половине XX века, когда рисунок, крепкий и точный, что держит любой изобразительный текст, оказался бы вроде ненужным — вместо мастерства нагромождение цветных пятен, сумбур изломанных линий, коллажи, обрывки газет и жур-

налов, наклеенные на живописное поле. Вместо «мертвой натуры» натюрморта или преображенная и не одухотворенная «натура живьем», найденная на свалках, украшающих нашу сегодняшнюю жизнь и питающих вдохновение иных авангардистов, выставляется в экспозиционном пространстве на потеху до сужему зрителю.

Недавно, в дни пушкинского юбилея, прошла выставка бунинских рисунков, устроенная музеем Пушкина на Арбате, рисунков по мотивам произведений нашего гения. Меня поразили не столько мастеритость, щедрость и изощренная простота художника, сколько проникновение в строй поэтической мысли, в сущность ее фактуры. Скажу сразу: Бунин работает аскетически — главным образом в двух цветах: черном и белом, как наша полосатая действительность. Тушь и белила, сажа и девственная белизна бумаги. Но, несмотря на скудость художественных средств, — о чудо искусства! — нет впечатления негатива эпохи доцветной фотографии. За архистатичностью графического двухцветия не исчезают многоцветность, пластичность и стереоскопичность видения, пестрой, текучей, переливчатой жизни, ощущение трепещущей чувственной и пряной плоти. Художник редко тонирует свои рапсодии и сюиты. Налицо любовь к форме или, точнее, к формам, как у Рубенса или Кустодиева, к точности и абсолютности линии, как у Пикассо или Матисса.

Все сказанное относится также к композициям по мотивам неумирающих стихов Омара Хайяма, воспевающих любовь, единственную ценность, которую не мог уничтожить даже коммунизм. Это чувство во всех его ипостасях — телесной и духовной — пронизывает как бы спонтанные рисунки Бунина, насквозь пропитанные здоровой чувственностью и роскошной восточной негой оригинала. Здесь целая философия жизни:

Изначальной всего остального — любовь.
В песне юности первое слово — любовь.
О несведущий в мире любви горемыка,
Знай, что всей нашей жизни

основа — любовь!

Начинаясь лучше понимать, что не все слова, ставшие расхожими или крылатыми, сопричастны истине. С легкой руки великого русского писателя пошел гулять по свету соблазнительный, но и сомнительный афоризм — «красота спасет мир». Скажите, когда и кого спасла она? Пушкина, творца и ценителя прекрасного? Лермонтова? Франсуа Вийона, Рембрандта, Байрона? Может быть, величавые ансамбли Рима, Московского Кремля, Петербурга хоть на миг остановили руки убийц и палачей, там обитавших? Нерона, Ивана Грозного или Сталина? Любовь, истинно говорю вам, в полном согласии со Священным Писанием, может еще спасти и сохранить кого-нибудь в этом безумном мире, ибо включает в себя и красоту, и согласие, и мир, и все другие блага земные. Эти вечные мысли в своей первоизданной прозаичности прочтываются у античных поэтов Анакреонта, Катулла, Горация, в библейской Песне Песней и вообще в шедеврах искусства всех времен и народов. В их числе и «Рубайят» Омара Хайяма, веселого мудреца, ученого и поэта средневекового первоязычного Востока. К ним причастно и творчество Павла Бунина, державшего перенести на бумагу неуязвимую прелесть вечной женственности — источник жизни и несказанных радостей. Художнику надо было подняться до прозрений поэта о жизни и смерти, о рае и аде, кратковечности и бессмертии, славе и бесчестье, дружбе и верности, счастье и горе. Своими средствами ему пришлось воплотить поэзию, ненавистную морали старых партийных импотентов, способных, пожалуй, выполнять только одну заповедь поэта:

«Пей вино и расчесывай локоны милый!»

Павлу Бунину, почти профессиональному историку и знатоку мировой культуры, изменчивой и нестабильной, удается зафиксировать с поразительной достоверностью лики прошлого — Александра Македонского, Юлия Цезаря, Кромвеля, Франца-Иосифа, Петра Великого, Шекспира, Пушкина... Всех не перечислить. Дело не только в портретном сходстве, но и в кажущемся просто невероятном знании реалий, деталей, костюмов, быта давно ушедших эпох, что заставляет меня подозревать в Бунине пассажира Машины Времени или пришельца из далекого прошлого, лично встречавшегося с Фаустом и Мефистофелем, Тилем Уленшпигелем, тремя мушкетерами, Ленским и Онегиным, а также поверить в правдивость теории метаспихоза, переселения душ... Все, написанное здесь, продиктовано не столько личной приязнью или эстетическими пристрастиями (мне нравятся все стили, кроме бездарного), сколько любовью к истине, которая мне, как и Аристотелю, дороже Платона.

Чувствую, что, прикоснувшись к прекрасному, станюловсь многословным, но не могу не произнести напоследок слова благодарности издательству «Круг», выпустившему в свет уникальное, редчайшее издание полетных иллюстраций Павла Бунина к стихам Омара Хайяма, составляющих задуматься, что же создано раньше — хватающие за душу песни вечного поэта или искрометные, доставляющие неизбывное наслаждение графические объяснения в любви художника, к которым поэт изволил написать свои четверостишия.

И. НАХОВ,
доктор филологических наук, профессор МГУ.
Рисунки Павла Бунина к Омару Хайяму.

